

ностью пожертвовать ею для общего дела», и тогда, когда он задерживал на дорогах всех прохожих и проезжих, делая это «для блага народившейся республики», и тогда, когда в революционном трибунале осуждал виновных и невинных опять-таки во имя республики, так как для доброго гражданина ничто не должно быть дороже ее. И поиски новой правды выливались подчас в уродливые формы, виною чему была вся предшествовавшая историческая обстановка, но поиски и стремление к этой правде *были*, они не отмирали в душе человеческой, они часто направлялись по ложному пути, но они не заглушались всей кошмарной действительностью. И только глубокая уверенность, что эта правда рано или поздно восторжествует, могла продиктовать Диккенсу его оптимистические строки в заключении романа:

«Я вижу, как из этой бездны встает великолепный город и блестящий народ, который в течение многих лет еще будет выдерживать борьбу из-за истинной свободы; и много раз еще суждено ему и падать, и торжествовать победу».

В конечном результате он не сомневается. Оплакивая кривду прошлого, он верит, что «все минется — одна правда останется», правда, которая будет тем ценнее, чем с большими страданиями досталась она.

В этом и надо усматривать смысл «Повести о двух городах».

А. Ольшевский.

Г. Д. Уэллс. *Спящий пробуждается*. Под ред. Е. Замятина, с предисловием Раф. Григорьева. Изд. «Всемирная Литература». Стр. 352. Петр. 1919.

В этом романе Уэллс рисует такую картину Англии будущих времен.

Город поглотил все население страны, втянул в себя многомиллионные массы, поработил их свей чудовищной бездушной механикой. Лондон стал одним, невообразимым огромным зданием со стеклянной крышей, вечно оглашаемый воплями сирен и свистом турбин. Это гигантское здание, подобно феодальному замку, окружено колоссальной стеной, за которой тотчас же начинаются пустыри, огороды и луга с бесчисленными стадами скота Британского Пищевого Треста, снабжающего весь человеческий муравейник столицы.

Уэллс предполагает, что человечество не пережило никакого социального переворота, что капиталистический строй привел к уродливой гипертрофии городской культуры, построенной на крови и поте миллионов рабов. Конечно, капитализм был вынужден сделать необходимые уступки требованиям «гуманности» и «демократии»: «Жизнь и собственность защищены во всем мире от насилия, исчезли заразные болезни, каждый сыт и одет, укрыт от непогоды и согрет на городских улицах. Но толпа осталась попрежнему толпой — игрушкой в руках демагога и политика; попрежнему каждый отдельный человек в толпе — труслив и жаден, а в целом толпа — слепа и загадочна. Миллионы мужчины и женщины никогда не

бывали за пределами города, никогда не выглядели за черту тесного круга своей ежедневной механической работы и жалких наслаждений...»

Словом — и через двести лет тот же порядок вещей, который царит сейчас на пространстве трех четвертей земного шара, — но еще резче выраженный и обнаженный...

То же деление на классы, то же рабство. «Синяя холстина» — символическая одежда, механическое клеймо, накладываемое на обреченных всю жизнь изнывать в каторжном труде для покоя немногих. Тем, избранным, дьявол капитала построил фангастические Города Наслаждений, в которых собрано все, что может возбудить притупленные нервы. Тем, избранным, все чудеса техники, созданные руками рабов, им же последнее надежное убежище — возможность искусственной Легкой Смерти. А «синей холстиной» правит Рабочая Компания: это прежняя Армия Спасения, которую всемогущее золото призвало на свою службу. «И нет у них («синей холстины») ни гордости, ни веры, ни надежды... Родятся, работают и умирают».

«Спящий пробуждается» — одна из лучших и серьезнейших «утопий» Уэллса, имеющая для человечества предостерегающее значение. Настоящее издание вполне удовлетворительно. Перевод вполне литературен, и вступительный очерк, принадлежащий Р. Григорьеву, написан живо и с правильным пониманием социальной сущности романа.

А. Иноков.

Э.-Т.-А. Гофманъ. *Донъ-Жуанъ. Кавалеръ Глюкъ*. Два рассказа изъ очерковъ въ манерѣ Калло. Переводъ С. С. Игнатова. Иллюстрація В. Н. Мясотина. Изд-во «Геликонъ». Стр. 36. М. 1918.

Великий романтик оставил по себе неизгладимый след во всемирной литературе, но за пределами своего отечества нигде не был так любим и ценен, как у нас. Его обаяние испытали такие выдающиеся умы, как Пушкин, Гоголь, Лермонтов, Достоевский, Герцен, Белинский, Юрий Самарин, Аполлон Григорьев, князь В. Ф. Одоевский, Алексей Толстой, Вл. Соловьев, Ив. Киреевский, Конст. Аксаков, Погорельский, Николай Полевой, Дружинин. Читали его в России в старину, начиная с 20-х годов, да не забыли и теперь, — не только читают, но и изучают (последние специальные работы — Игнатова, М. А. Петровского) и снова переводят; несколько лет назад появилась «Принцесса Брембилла» в переводе бар. Энгельгардт, был перепечатан, хотя неудачно, «Золотой горшок» в переводе Вл. Соловьева, и по поводу их кое-что небезынтересное было высказано нашими критиками. Недавнее неоромантическое движение возродило интерес к старому столпу романтизма. Обнаружилось, что автор давно забытого рассказа «Уединенный домик на Васильевском острове» — не кто иной, как Пушкин, и мне самому пришлось отметить здесь несомненное влияние Гофмана.